

з. Круц.

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Н. А. ВЫБОРНОВ

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Автореферат диссертации, представленной
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Москва — 1954 г.

В. А. Выборнов
М. А. Выборнов

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Н. А. ВЫБОРНОВ

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ИЗМЕНЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Автореферат диссертации, представленной
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

код экземпляра

42660

В период постепенного перехода нашей страны от социализма к коммунизму одной из важных задач советского государственного аппарата является искоренение преступности. Рост материального благосостояния и культурного уровня масс создает для этого такие возможности, которых раньше в такой мере не существовало. Советское государство возложило ответственнейшую обязанность борьбы с преступностью на органы суда, прокуратуры и следствия. Необходимым условием успешности борьбы с преступностью является точное соблюдение этими органами социалистической законности. Строжайшее соблюдение социалистической законности обеспечивает вместе с тем охрану гарантированных Конституцией СССР прав граждан, забота о неприкосновенности которых возложена нашим государством на суд и прокуратуру.

В системе советского уголовного процесса все институты и формы служат цели, поставленной перед социалистическим правосудием. Они направлены на активное преследование преступников, раскрытие преступлений и справедливое осуждение виновных в их совершении и в то же время на полную охрану прав советских граждан.

В таком построении советского уголовного процесса выражается его социалистический демократизм. Он служит делу укрепления Советского государства, мощного орудия построения коммунизма, он охраняет от всяких посягательств права граждан.

При рассмотрении под этим углом зрения некоторых институтов нашего уголовного процесса оказывается, что в изданном свыше 30 лет назад Кодексе они нашли не вполне совершенное выражение. В отдельных случаях приходится говорить о пробелах действующего Уголовно-процессуального кодекса.

Верховный Суд СССР своей разъяснительной деятельностью восполнил некоторые из этих пробелов. В других случаях они остались невосполненными, что приводит иногда к колебаниям в судебной практике, к ошибочному применению процессуальных норм и к нарушению гарантированных этими нормами прав граждан.

Конечно, удельный вес таких ошибок невелик по сравнению с основной массой правильно расследованных и разрешенных уголовных дел. Но, исходя из решений XIX съезда КПСС и последующих решений партии и правительства, советская судебная и прокурорско-следственная практика должна нетер-

пимо относиться даже к единичным ошибкам в применении законов.

В этой связи надо признать, что для теоретической разработки представляют наибольший интерес и имеют наибольшее практическое значение те институты советского уголовного процесса, которые недостаточно полно разработаны в действующих процессуальных кодексах союзных республик.

К числу таких институтов относится несомненно и изменение обвинения.

Этот институт, неполно обрисованный в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1922 г., за тридцать лет далеко не в должной мере привлекал внимание советских процессуалистов.

Об изменении обвинения говорилось в нескольких журнальных статьях и упоминается в учебниках по советскому уголовному процессу. Полного систематического рассмотрения всех вопросов, связанных с изменением обвинения в различных стадиях уголовного процесса, в нашей литературе не имеется.

Изменение обвинения в судебном разбирательстве неодинаково регулируется Уголовно-процессуальными кодексами отдельных Союзных республик. Верховный Суд СССР в ряде постановлений Пленума и определений коллегий уточнил некоторые спорные вопросы изменения обвинения в стадии судебного разбирательства. Но пробелы законодательства, относящиеся к другим стадиям процесса, остались невосполненными.

Между тем, судебная и прокурорско-следственная практика ежедневно показывает неудобства, вытекающие из отсутствия подробных процессуальных норм об изменении обвинения в отдельных стадиях процесса: в ряде случаев на этой почве происходит нарушение прав обвиняемого, а иногда и потерпевшего.

Обобщение судебной и следственной практики в свете принципов советского уголовного процесса и руководящих указаний Верховного Суда СССР, может способствовать более полному выяснению всех сторон изменения обвинения. Конечным результатом такой работы могут быть некоторые формулировки уголовно-процессуальных норм, восполняющих пробелы действующего процессуального законодательства и предназначенных в качестве материала при подготовке проекта общего Уголовно-процессуального кодекса.

1

Диссертация автора состоит из четырех глав. В каждой из них рассматривается изменение обвинения последовательно: 1) в стадии предварительного расследования; 2) в стадии предания суду; 3) в стадии судебного разбирательства; 4) в стадии пересмотра приговоров в порядке ст.ст. 15 и 16 Закона о Судостроительстве.

Для определения предмета и границ диссертации, автор в начале первой главы останавливается на понятии обвинения. Он указывает, что в качестве процессуального термина слово «обвинение» употребляется в двух различных смыслах.

Первое значение термина имеет уголовно-правовой смысл. Обвинение в уголовно-правовом смысле, — это формулирование в процессуальных актах сущности того преступного деяния, которое вменяется в вину гражданину.

Такая формулировка обвинения помещается в постановлении о привлечении обвиняемого, а позже в обвинительном заключении и приговоре суда.

Такая формулировка обвинения с указанием статьи Уголовного кодекса или Указа Президиума Верховного Совета СССР, предусматривающей совершенное преступление, определяет сущность и границы уголовной ответственности обвиняемого.

В самом общем виде эта формулировка должна быть указана уже в постановлении о возбуждении уголовного дела, так как при отсутствии состава преступления в событии, рассматриваемом следователем или прокурором, последний не имеет права возбудить уголовное преследования (ст. 4, п. 5 УПК РСФСР).

Но в ходе предварительного следствия выясняются обстоятельства дела, относящиеся как к личности правонарушителя, так и к составу совершенного им преступления. Поэтому в ряде случаев следователь уточняет формулировку, принятую в постановлении о возбуждении уголовного дела. В постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, формулировка обвинения приобретает большую отчетливость и в смысле уточнения всех обстоятельств, входящих в состав преступления, и в смысле установления личности обвиняемого.

В ряде случаев самый состав преступления, а значит и формулировка обвинения в уголовно-правовом смысле зависит от личности обвиняемого (повторное совершение лицом кражи обуславливает, например, применение к обвиняемому части 2 ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «об усилении охраны личной собственности граждан»).

Именно об обвинении в уголовно-правовом смысле говорит ст. 311 УПК РСФСР, устанавливая пределы рассмотрения дела в судебном разбирательстве. Его же имеет в виду и ст. 313 УПК РСФСР, говорящая об изменении формулировки обвинения.

Но термин «обвинение» имеет и другой смысл, чисто процессуальный. Советское процессуальное законодательство знает две формы обвинения, поддерживаемого в суде. Согласно старой терминологии, не изжитой еще в советской процессуальной литературе, эти две формы обвинения называются: одна — публичным обвинением, другая — частным обвинением.

Термины эти совершенно не подходят к советскому уголовному процессу, выражая понятия, свойственные буржуазному уголовному процессу.

В советском уголовном процессе с учетом давно установившегося порядка поддержания обвинения от имени государства исключительно прокурором, следовало бы называть эти две формы обвинения: одну — обвинением прокурорским, другую — обвинением, поддерживаемым потерпевшим.

Первая форма является основной и применяется при судебном рассмотрении самого широкого круга уголовных дел. Вторая форма обвинения применяется при рассмотрении ограниченной группы дел о менее опасных для правопорядка преступлениях, перечисленных в ст. 10 УПК РСФСР¹.

Уголовно-процессуальные кодексы и РСФСР, и других союзных республик регулируют только изменение обвинения в уголовно-правовом смысле. Так, ст. 313 УПК РСФСР говорит об изменении формулировки обвинения, а УПК УССР говорит в ст. 291 об изменении формулировки обвинения или квалификации преступления.

Однако, в процессуальной практике происходит изменение обвинения не только в уголовно-правовом смысле (например, суд переходит от обвинения подсудимого по ст. 136 УК РСФСР к обвинению по ст. 138 того же кодекса).

В ряде случаев изменение обвинения в уголовно-правовом смысле влечет за собой и изменение процессуальной формы обвинения: так при переходе от обвинения в хулиганстве к обвинению в нанесении побоев, прокурорское обвинение изменяется на обвинение, поддерживаемое потерпевшим.

Дела этого рода, согласно ст. 4 п. 2 и 3 УПК РСФСР, возбуждаются не иначе, как по жалобе потерпевшего и подлежат прекращению за примирением потерпевшего с обвиняемым.

Таким образом, указанный переход от обвинения в хулиганстве к обвинению в нанесении побоев, влечет за собой процессуальное осложнение, не предусмотренное действующим процессуальным законом.

Кроме того, практика показывает, что такого рода изменение обвинения в уголовно-правовом смысле, влекущее за собой также и изменение процессуальной формы обвинения, происходит не только в стадии судебного разбирательства, но и в предшествующих стадиях процесса, а также при пересмотре приговора вышестоящими судами.

Сам законодатель предусмотрел возможность изменения обвинения, поддерживаемого потерпевшим, на обвинение, поддерживаемое прокурором, в ст. 10 ч. 2 УПК РСФСР. Здесь идет речь о вступлении прокурора в дела о преступлениях, обвинение по которым поддерживается потерпевшим.

¹ В соответствующих статьях УПК других союзных республик круг преступлений, преследуемых по жалобе потерпевшего не полностью совпадает с кругом преступлений, указанных в ст. 10 УПК РСФСР.

Таким образом, в действующем уголовно-процессуальном праве предусмотрена возможность изменения процессуальной формы обвинения без изменения формулировки обвинения в уголовно-правовом смысле.

Имея в виду все эти моменты, диссертант считал необходимым последовательно рассмотреть в своей работе, как порядок изменения обвинения в уголовно-правовом смысле, так и порядок изменения процессуальной формы обвинения.

Оба вида изменения рассматриваются последовательно во всех стадиях процесса.

2

Изменение обвинения в стадии предварительного расследования не урегулировано в действующем уголовно-процессуальном законе.

Это можно объяснить тем, что при любом изменении обвинения в ходе предварительного следствия, независимо от того, производится оно в сторону отягчения или в сторону смягчения, интересы обвиняемого не нарушаются. Всякое обвинение должно быть предъявлено обвиняемому и он получает при этом возможность давать объяснения и выдвигать доказательства, опровергающие или смягчающие обвинение. Следовательно на основании ст. ст. 111—112 УПК РСФСР обязан всесторонне исследовать обстоятельства дела.

Однако, отсутствие процессуального закона, регулирующего изменение обвинения в стадии предварительного следствия, имеет невыгодные последствия. Оно прежде всего обуславливает разноречивую практику. Одни работники следственных органов при необходимости изменения ранее предъявленного обвинения составляют постановление о предъявлении нового обвинения, как бы забывая о наличии в деле ранее предъявленного обвинения и не решая ни в одном документе дела его судьбу.

Другие в таких случаях считают необходимым прекращать дело в отношении ранее предъявленного обвинения. Третьи считают даже возможным вносить изменение обвинения непосредственно в обвинительное заключение.

Все эти действия нельзя считать правильными. Если на основе вновь установленных обстоятельств дела следователь приходит к выводу о необходимости изменить ранее предъявленное обвинение, он должен действовать так, как действует в подобных случаях суд, применяя ст. 313 УПК РСФСР: ведь в таких случаях первоначальное обвинение не отпало, а только видоизменилось. Это должно найти отчетливое выражение в составленном следователем постановлении об изменении обвинения.

Прекращение дела может иметь место только в том случае, когда ранее предъявленное обвинение полностью или частично

отпадает ввиду недоказанности совершения соответствующего деяния обвиняемым, или ввиду отсутствия в этом деянии какого бы то ни было состава преступления.

Внесение же измененной формулировки обвинения непосредственно в обвинительное заключение является неправильным, так как нарушает право обвиняемого защищаться против каждого предъявленного ему обвинения, независимо от его тяжести.

На примерах из следственной практики автор показывает какие процессуальные осложнения происходят из-за неправильного подхода следователей к вопросу об изменении обвинения.

Особо стоит вопрос об изменении в ходе предварительного следствия процессуальной формы обвинения, совершенно не освещенный в нашей юридической литературе. Мы имеем в виду, например, те случаи, когда при расследовании дел о хулиганстве выясняется, что по всей совокупности обстоятельств действия, совершенные обвиняемым, не являются хулиганством, а образуют один из составов преступления, перечисленных в ст. 10 УПК РСФСР, уголовное преследование по которым возбуждается не иначе, как по жалобе потерпевшего, и обвинение на суде поддерживается последним.

Отсутствие законодательного регулирования порядка действий следователя в подобных случаях приводит на практике не только к разнобою, но и к нарушению прав потерпевших в тех случаях, когда в деле нет их жалобы, и органы следствия считают поэтому возможным прекращать дело, не выяснив желания потерпевшего поддерживать обвинение против обвиняемого в суде.

На основе критического разбора различных вариантов решения данного вопроса работниками следствия и прокуратуры, автор предлагает соответствующие формулировки статей, которыми, по его мнению, желательнее дополнить главу ныне действующего УПК РСФСР, «Общие условия производства предварительного следствия».

Останавливаясь на процессуальном значении обвинительного заключения, автор подвергает критике установившийся в ряде прокуратур порядок изменения обвинения прокурором на основании ст. 224 УПК при направлении дела в суд. Этот порядок сводится к тому, что прокурор оставляет в полной неприкосновенности текст обвинительного заключения, отражая произведенное им изменение обвинения только в своей надписи на обвинительном заключении (ст. 221 УПК РСФСР).

Такая практика вносит недопустимую в советском уголовном процессе неопределенность: обвиняемый получает обвинительное заключение, в тексте которого ему вменяется в вину одно преступление (например: хищение социалистической собственности), а утверждающая надпись прокурора говорит о

другом преступлении (например о злоупотреблении служебным положением) ¹.

Такая практика вызывает и дальнейшее процессуальное осложнение, как в стадии предания суду, так и в ходе судебного разбирательства.

3

При рассмотрении вопроса о возможности и порядке изменения обвинения в стадии предания суду, автор показывает, опираясь на судебную практику, пределы такого изменения, не нарушающие права обвиняемого на защиту.

Автор анализирует уголовно-процессуальные нормы Закона о судостроительстве и УПК РСФСР о предании суду и установленный постановлениями 47 и 54 Пленумов Верховного суда СССР порядок рассмотрения дел в подготовительном заседании.

На основе этого анализа он считает, что суд в подготовительном заседании имеет право не согласившись с предложением прокурора об изменении обвинения на более мягкое, вернуться к той формулировке обвинения, которая была предъявлена следователем обвиняемому в порядке ст. 128—129 УПК РСФСР.

В отдельных случаях, производя такое изменение обвинения, суд должен поручить председателю составить новое обвинительное заключение, что в общей форме предусмотрено ст. 238 УПК РСФСР.

И в этой главе диссертации автор останавливается на вопросе об изменении процессуальной формы обвинения.

На основе анализа ошибок практики, относящихся к изменению обвинения в стадии предания суду, диссертант предлагает формулировки новых процессуальных норм. Одна из них должна установить общее правило о порядке и пределах изменения обвинения в подготовительном заседании суда без направления дела на доследование. Другая должна установить порядок изменения процессуальной формы обвинения и, в частности, порядок вступления прокурора в дела о преступлениях, по которым обвинение поддерживается потерпевшим.

4

Центральной главой работы является глава, посвященная тем изменениям обвинения, которые могут быть произведены в ходе судебного разбирательства дела. Эта глава начинается с описания и анализа сущности судебного разби-

¹ Примером может служить дело по обвинению гр. Н. по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». При направлении этого дела в суд в порядке ст. 221 УПК РСФСР прокурор К. сделал надпись на обвинительном заключении: «Утверждаю по ст. 109 УК РСФСР». При этом он не изменил ни одного слова в резолютивной части обвинительного заключения.

рательства, как самостоятельного исследования судом с помощью сторон всех обстоятельств дела для установления истины, как необходимого условия постановления законного и обоснованного приговора.

Говоря об объеме исследования автор выясняет процессуальный смысл правила, изложенного в ст. 311 УПК РСФСР.

Затем на основе материалов практики различных народных судов Московской области и других областей РСФСР, с привлечением также практики Пленума и коллегий Верховного Суда СССР, автор подробно рассматривает вопросы, которым посвящена глава 23 УПК РСФСР. На первом месте стоит вопрос об изменении обвинения (т. е. процессуальное правило, изложенное в ст. 313 УПК РСФСР и в ст. 291 УПК УССР в существенно отличающихся друг от друга редакциях).

Вторым вопросом рассматривается возможность предъявления обвиняемому нового (дополнительного) обвинения и процессуальные последствия такого предъявления (т. е. правило, изложенное в ст. 312 УПК РСФСР и в ст. 290 УПК УССР).

Третьим вопросом рассматривается возможность привлечения судом новых обвиняемых, кроме лица, преданного суду по данному делу (правила, изложенные в ст. ст. 315—316 УПК РСФСР).

При рассмотрении первого из этих вопросов, являющегося основным не только по названию работы, но и по удельному весу своему в судебной практике и по сумме входящих в него частных вопросов, автор анализирует, как многочисленные примеры конкретного изменения обвинения отдельными народными судами, так и те осложнения, которые не находят себе разрешения в действующем процессуальном законе. Одни из них отражены в постановлениях Пленума и в определениях коллегий Верховного Суда СССР. Другие не нашли еще четкого разрешения.

При рассмотрении вопроса об изменении обвинения автор исходит из двух основных положений. С одной стороны, принцип независимости судей и подчинение их только закону и принцип объективной истины требуют, чтобы каждое рассматриваемое в суде дело было разрешено в полном соответствии с установленными фактическими данными, хотя бы они выходили за рамки первоначально предъявленного подсудимому обвинения.

С другой стороны, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту не позволяет вменять ему в вину нового, по сравнению с первоначальным, обвинения, не дав ему возможности представить доказательства против этого обвинения, т. е. без направления дела на исследование.

При рассмотрении вопроса об изменении обвинения судом под указанным углом зрения, возникает задача — установить

пределы изменения, не затрагивающие прав обвиняемого на защиту.

При разрешении этой задачи диссертант критически рассматривает взгляды, высказанные по этому вопросу в советской процессуальной литературе.

Советские теоретики давно уже указывали, что ограничение запрета изменения обвинения в суде одним лишь условием, чтобы вновь примененная статья уголовного закона не влекла усиления наказания (ст. 313 УПК РСФСР), недостаточно обеспечивает обвиняемому право на защиту.

В самом деле, возможно и такое изменение квалификации вменяемого ему в вину преступления, которое, хотя и не вызывает повышения меры наказания, но в то же время меняет совершенно самую суть тех действий, которые приписываются обвиняемому. Очевидно, что при таком изменении формулировки обвинения, произведенном судом в совещательной комнате, подсудимый не имеет возможности выдвинуть какие-либо доводы в свою защиту, потому что он только из приговора узнает о том, что суд поставил ему в вину иные действия, чем те, за которые он был предан суду.

Указывая на неправильность такого ущемления прав обвиняемого, наши процессуалисты выдвигали различные предложения о расширении объема запрета изменения обвинения в суде.

Так проф. Чельцов считает необходимым запретить переход и к более легкому преступлению, но «совершенно иного состава». Он не выдвигает при этом четко общего критерия, пригодного для включения в статью УПК, а ограничивается приведением примера такого перехода к более легкому по наказанию преступлению с совершенно иным составом. Проф. Гродзинский также ограничивается приведением конкретных примеров недопустимого, по его мнению, изменения обвинения на более легкое, но иногда по составу преступления.

Проф. Строгович, говоря о необходимости расширить объем запрета изменения обвинения, считает, что изменение обвинения не должно иметь место, если новая формулировка обвинения предусматривает иное по роду преступление, чем то, за которое подсудимый был предан суду.

Но, как было уже указано, в нашей литературе¹, введение в качестве условия возможности изменения обвинения сохранения однородности состава не обеспечивает права обвиняемого на защиту. Действительно термин «однородность» предполагает группировку преступления по объекту, на который направлено преступное деяние. С этой точки зрения однородными будут умышленное убийство и доведение до самоубийства. В обоих преступлениях объектом

¹ М. Бажанов. Изменение формулировки обвинения в стадии судебного разбирательства. «Социалистическая законность», № 3, 1953 г.

является жизнь человека. Но нельзя признать правильным изменение обвинения в суде, со ст. 136 на ст. 141 УК РСФСР без направления дела на следствие, так как при этом подсудимый был бы стеснен в осуществлении права на защиту против обвинения в совершении иных преступных действий.

С другой стороны, наши суды нередко изменяют обвинение по ст. 74 УК РСФСР на обвинение по ст. 143 УК РСФСР или по ст. 146, ч. 1 УК РСФСР. Такое изменение обвинения не нарушает прав обвиняемого, так как оно происходит путем исключения одного из признаков состава, а именно наличия хулиганского мотива у подсудимого, при сохранении всех остальных признаков совершенного последним деяния. А между тем, хулиганство и нанесение легких телесных повреждений или побоев имеют различные объекты. Первое направлено против порядка управления, второе — против телесной неприкосновенности граждан.

Кандидат юридических наук М. И. Бажанов предлагает в качестве ограничительного признака допустимости изменения обвинения в суде, ввести в статью УПК (соотв. ст. 313 УПК РСФСР) понятие не существенности изменения. Иными словами, он предлагает запретить существенное изменение обвинения.

Теоретически эта мысль является правильной. Однако, в судебной практике признак существенности изменения может привести к различным толкованиям. То, что один состав суда считал существенным изменением обвинения, могло бы другому составу суда казаться несущественным изменением.

Поэтому автор диссертации сомневается в целесообразности введения в текст процессуального закона термина «Существенности изменения обвинения».

При попытке дать удовлетворяющую требованиям соблюдения права обвиняемого на защиту формулу статьи УПК об изменении обвинения, автор, исходя из учета практики Верховного Суда СССР. В указаниях Верховного Суда многократно подчеркивалась недопустимость перехода к обвинению в преступлении с иным по характеру действий подсудимого составом. Состав преступления складывается из ряда имеющих юридическое значение признаков. Защищаясь против обвинения в совершении определенного преступления, подсудимый может опровергать как отдельные признаки состава, так и совершение им вообще преступных действий.

Исключение судом одного или нескольких признаков состава преступления меняет сущность обвинения, но не затрагивает при этом права обвиняемого на защиту. Изменение же обвинения, состоящее во включении в формулировку обвинительного приговора иных, новых юридических признаков состава отсутствовавших в первоначальной формуле обвине-

ния, нарушает право обвиняемого на защиту. Недопущение такого изменения обвинения должно быть четко предусмотрено в уголовно-процессуальном кодексе.

Поэтому автор диссертации и считает наиболее целесообразной такую редакцию статьи об изменении обвинения в суде, которая ограничивала бы право суда на изменение обвинения путем указания на допустимость перехода к новому обвинению посредством исключения из первоначального обвинения одного или нескольких признаков состава преступления.

Если при таком исключении отдельных признаков состава, остающиеся признаки все же образуют состав другого преступления, предусмотренного уголовным законом, суд может вменить в вину подсудимому совершение этого последнего преступления.

Если при исключении тех признаков состава, наличие которых в деянии оказалось недоказанным, оставшиеся юридические признаки не образуют какого-либо другого состава преступления, подсудимый должен быть оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления. Примером может служить отпадение признака умышленности при обвинении подсудимого в истреблении имущества, принадлежащего другому лицу: неосторожное истребление такого имущества не составляет преступления.

Необходимость внесения в процессуальный закон четкого признака, ограничивающего право суда на изменение обвинения без направления дела на следствие, и неудовлетворительность ныне действующих ст. ст. 313 и 312 УПК РСФСР и некоторых других союзных республик, автор иллюстрирует примерами из практики Верховного Суда СССР. В ней наряду с указаниями, направленными на более последовательное соблюдение судами всех гарантий прав обвиняемого на защиту при изменении обвинения в ходе судебного разбирательства, имеются отдельные нечеткие определения, в которых не проводятся различия между изменением обвинения и предъявлением подсудимому нового обвинения.

Как и в предыдущих главах диссертации, автор рассматривает и в настоящей главе те случаи изменения обвинения в уголовно-правовом смысле, которые влекут за собой также изменение процессуальной формы обвинения.

Как было указано выше, такое изменение не предусмотрено ни одним из Уголовно-процессуальных кодексов Союзных республик. Вместе с тем практика показывает крайнее неудобство такого пробела, влекущего нарушение стабильности закона и прав участников процесса. Как было уже указано, советский законодатель допускает в принципе возможность изменения обвинения поддерживаемого потерпевшим, на обвинение прокурорское (ч. 2, ст. 10 УПК РСФСР). Однако, закон не устанавливает процессуального порядка вступления Прокурора

в такое дело, в котором необходима защита «публичных интересов».

Рассматривая судебную практику, автор показывает, что эти случаи являются очень редкими. Чаще происходит изменение обвинения прокурорского на обвинение, поддерживаемое потерпевшим, ввиду установления в ходе судебного разбирательства обстоятельств, требующих исключения некоторых признаков состава ранее предъявленного подсудимому обвинения. Встречаются и противоположные случаи, когда в ходе судебного разбирательства, дело, по которому обвинение поддерживает потерпевший, суд приходит к выводу о наличии в деле признаков преступления, по которому обвинение должно поддерживаться прокурором, а не потерпевшим.

В результате анализа осложнений, которые вызываются необходимостью изменения процессуальной формы обвинения, автор выдвигает предложение о пополнении Уголовно-процессуального кодекса новыми статьями, регулирующими оба случая изменения обвинения.

Эти статьи должны обеспечить единообразие действий судов в подобных случаях и соблюдение прав, как обвиняемого, так, в соответствующих случаях, и потерпевшего.

В специальном параграфе главы автор рассматривает вопрос о предъявлении подсудимому нового, дополнительного обвинения. Он показывает неудовлетворительность того порядка, который предусмотрен для таких случаев статьей 312 УПК РСФСР и более правильный подход к этому вопросу в ст. 290 УПК УССР.

Однако, хотя этот порядок и распространен разъяснительной практикой Верховного Суда СССР на всю территорию СССР, отсутствие четкой общесоюзной законодательной нормы неблагоприятно отражается на судебной практике. Отдельные суды в различных Союзных республиках все еще нарушают запрет рассмотрения нового обвинения без направления дела в этой части на доследование.

Поэтому автор выдвигает предложение о введении в проект Уголовно-процессуального кодекса СССР четкой формулировки, запрещающей рассмотрения судами нового, дополнительного обвинения против подсудимого без направления дела на доследование.

В параграфе, посвященном рассмотрению условий привлечения новых обвиняемых, автор, исходя из анализа судебной практики, останавливается особо на вопросе о привлечении новых обвиняемых по делам, в которых обвинение поддерживается потерпевшим.

В частности, он подробно рассматривает вопрос о процессуальных условиях привлечения в качестве обвиняемого лица, которое, как потерпевший, поддерживает обвинение в тех случаях, когда подсудимый выдвигает против него «встречное обвинение».

Вопрос об изменении обвинения в суде второй и надзорной инстанции автор рассматривает в свете тех же принципов советского уголовного процесса, которые требуют установления судом истины по делу и в то же время бережно охраняют права обвиняемого на защиту.

Автор считает, что те случаи, в которых вышестоящий суд отменяет приговор и возвращает дело в одну из предшествующих процессуальных стадий (судебное разбирательство, предание суду или предварительное следствие) с указанием на необходимость изменения обвинения, не имеют непосредственного отношения к теме диссертации. В подобных случаях обвиняемый может использовать все свои процессуальные права на защиту против обвинения, в соответствии с нормами, регулирующими данную стадию процесса.

Вопрос о стеснении права обвиняемого на защиту при изменении обвинения судом второй или надзорной инстанции, возникает только в тех случаях, когда эта инстанция своим определением оканчивает дело, не направляя его на новое рассмотрение.

Пределы изменения обвинения в суде второй инстанции намечены в ст. 419-а УПК РСФСР. Они весьма узки. По буквальному смыслу этой статьи изменение обвинения может иметь своим источником не установление каких-либо новых обстоятельств, а только ошибку суда первой инстанции в применении определенного уголовного закона к установленным в приговоре обстоятельствам дела.

Практика показывает, что суды второй инстанции не всегда придерживались этих узких пределов изменения обвинения. В руководящем постановлении пленума Верховного Суда СССР 1 декабря 1950 г. констатируется этот факт, как нарушение норм советского уголовного процесса, согласно неоднократным указаниям пленума Верховного Суда СССР, суды второй и надзорной инстанций не имеют права переходить к обвинению путем установления новых обстоятельств дела и даже менять фактическое содержание обвинения при сохранении его квалификации.

Такое запрещение исходит из основного положения о том, что суды второй и надзорной инстанций не проводят судебного следствия и не могут поэтому устанавливать такие факты, которые не признаны приговором суда первой инстанции. Установление таких фактов судом второй или надзорной инстанции, явно нарушило бы права обвиняемого на защиту.

Хотя в отдельных определениях коллегий Верховного Суда СССР и встречаются случаи изменения обвинения, признанного судом первой инстанции, не менее тяжкое, но совершенно иное по составу преступления, однако пленум Верховного

Суда СССР последовательно проводит вышеуказанное ограничение в вопросе изменения обвинения.

Анализ практики Верховного Суда СССР приводит автора к такому выводу. Верховный Суд СССР допускает изменение обвинения в суде второй и надзорной инстанции в тех случаях, когда приговор суда первой инстанции неправильно установил состав совершенного подсудимым преступления, не учтя отсутствие одного из необходимых признаков состава, относящегося к объективной или субъективной его стороне. В этом случае изменение обвинения состоит в переходе к обвинению в совершении менее тяжкого преступления путем исключения вышестоящим судом одного или нескольких признаков состава преступления, неправильно установленных в приговоре.

✓ Такое направление надзорной практики Верховного Суда СССР подкрепляет мысль диссертанта о том, что в качестве ограничительного признака при установлении пределов допустимого изменения обвинения в суде первой инстанции в соответствующей статье проекта УПК СССР должен быть указан именно этот момент: переход к новому обвинению может быть произведен только путем исключения одного или нескольких признаков состава преступления, которое вменялось в вину подсудимому.

Диссертант путем анализа практики Верховного Суда РСФСР и Московского областного суда, относящийся к изменению процессуальной формы обвинения (от обвинения прокурорского к обвинению со стороны потерпевшего) приходит к выводу о необходимости восполнения существующего по этому вопросу пробела процессуального законодательства. Он ссылается при этом на одно старое постановление Пленума Верховного Суда УССР, к которым соответствующее правило было введено в украинскую судебную практику до издания Закона о Судостроительстве СССР, Союзных и автономных республик.

В качестве выводов из диссертации автор приводит формулировки тех процессуальных норм, которые он полагал бы целесообразным внести в подготавливаемый проект Уголовно-процессуального кодекса СССР.

Более полная законодательная регламентация сложного процессуального института изменения обвинения во всех стадиях уголовного процесса служила бы делу укрепления социалистической законности при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел и тем самым усилению процессуальных гарантий прав граждан.